

УДК 81'42

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

Иосиф А. Стернин^{1, @}

¹ Воронежский государственный университет, Россия, 394063, г. Воронеж, Университетская пл., 1
@ sterninia@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2016.
Принята к печати 14.12.2016.

Ключевые слова: многозначность, ситуация, контекст, анализ текста, семантическое описание, принципы семантического описания.

Аннотация: В настоящее время можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследования спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования. Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются следующие: 1. Учет многозначности слов и выражений. 2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения. 3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения. 4. Учет реального языкового сознания рядового носителя языка. В статье приводится обоснование каждого из этих принципов и приводятся примеры реализации каждого из принципов в практическом анализе текста.

Для цитирования: Стернин И. А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 202 – 207. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207.

*Профессору Н. Д. Голеву –
с уважением и признательностью*

Н. Д. Голев – один из ведущих специалистов страны в области лингвокриминалистики, основоположник науки *юрислингвистики*, название которой принадлежит ему. Вклад Н. Д. Голева в развитие теории и практики лингвистической экспертизы трудно переоценить, его участие в работе ГЛЭДИС на первых этапах становления гильдии также неопределимо. Многочисленные конференции, региональная ассоциация экспертов-лингвистов, журнал «Юрислингвистика» – тоже его личные заслуги.

Кроме того, большое значение имеет его концепция учета обыденного языкового сознания в анализе языковых единиц: «важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» [1, с. 396].

Данная позиция имеет принципиальное значение для разработки методики семантического анализа в ходе лингвокриминалистического анализа текста.

В канун его юбилея хотим предложить исследование, развивающее принципы лингвокриминалистического анализа, разрабатываемые Н. Д. Голевым.

Остановимся на выявлении основных принципов семантического анализа, на которые целесообразно, по нашему мнению, опираться при выполнении лингвистической экспертизы текста. Данная работа развивает и конкретизирует принципы, сформулированные нами в статье [2, с. 44 – 47].

В настоящее время, с нашей точки зрения, можно говорить о ряде основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследо-

вания спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования.

Важнейшими из них, непосредственно влияющими на результаты экспертной оценки семантики слова в спорном тексте, являются следующие: 1. Учет многозначности слов и выражений. 2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения. 3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения. 4). Учет реального языкового сознания рядового носителя языка.

Проиллюстрируем важность применения данных принципов.

1. Учет многозначности слов и выражений

Слова в языке многозначны, и в конкретном тексте актуализируется обычно одно из значений многозначного слова.

Языковые выражения (словосочетания, целостные высказывания) тоже могут иметь разные значения в разных контекстах, и конкретный текст показывает, в каком значении данное языковое выражение актуализовано, какое конкретно содержание оно несет в данном тексте.

При этом в силу самых разных причин (по незнанию или по умыслу) истец и ответчик могут усматривать в употребленном слове или выражении разные значения, что приводит к спору в интерпретации смысла спорного текста.

При выполнении экспертизы необходимо исходить из потенциальной многозначности спорных слов.

Для этого необходимо: 1) описать все значения спорного слова в современном русском языке, а затем, используя лингвистический инструментарий; 2) выявить и описать лингвистические маркеры, которые подтверждают актуализацию именно этого, а не иного значения в спорном тексте.

Например, надо показать, что спорные слова (например, *фашист* и *гестаовец*) употреблены в спорном тексте в конкретных переносных значениях – *крайне жестокий человек*, а не в прямых значениях (*член фашистской партии, сотрудник гестапо*).

Описание семантики слова в современном русском языке по данным словарей

Установление значений спорного слова в современном русском языке должно опираться на:

– *толковые* словари современного русского языка (не на исторические, толково-словообразовательные, этимологические и т. д.);

– *наиболее авторитетные* толковые словари русского языка (С. И. Ожегов, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова, С. А. Кузнецов, Т. Ф. Ефремова, В. В. Химик);

– *наиболее полные* толковые словари (не менее 60 – 80 тысяч слов);

– должно использоваться *несколько разных толковых словарей* (из практики – не менее трех), включая словари сленга и разговорной речи;

– данные разных словарей должны быть *обобщены* методом обобщения словарных дефиниций в силу действия принципа неединственности метаязыкового описания ментальных единиц и принципа дополненности словарных дефиниций [3, с. 8 – 17].

Обобщение словарных дефиниций

Общеизвестно, что разные лингвистические школы и разные исследователи используют разные методы семантического описания и, что особенно существенно, разный метаязык семантического описания, что при описании одних и тех же единиц языка приводит на первый взгляд к разным результатам. Возникает искушение считать одни описания правильными, а другие неправильными.

Разумеется, ошибки в описании семантики языковых единиц возможны, имеет место также разная полнота описания значений одних и тех же слов в разных исследовательских парадигмах, в разных лексикографических источниках, обусловленная целями и задачами описания и представления результатов описания.

Однако практика семантического анализа в настоящее время призывает к интеграции описаний, полученных в разных лингвистических парадигмах и разных источниках.

Наш опыт практического семантического описания языковых единиц разными методами привел нас к возможности сформулировать некоторые обобщенные принципы описания языковых единиц.

Принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц

К формулированию данного принципа приводит анализ скрытых смыслов текста, большинство из которых могут получить весьма разную метаязыковую формулировку на естественном метаязыке у разных исследователей [4].

Этот вывод мы предложили считать проявлением общенаучного *принципа неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц*:

«Различные ментальные сущности в процессе их исследования, описания, систематизации, лексикографической фиксации требуют использования определенного метаязыка описания. Наиболее удобным в практике се-

мантических исследований признается естественный язык, который доступен как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и как система обладает неограниченными возможностями формулирования описываемых смыслов.

При этом важной особенностью использования естественного метаязыка для семантического описания является именно неограниченность его возможностей в формулировании смыслов, что допускает принципиальную возможность разных метаязыковых обозначений одного и того же смысла. Эта возможность в практике лингвистических исследований регулярно проявляется в разных метаязыковых описаниях одних и тех же ментальных сущностей разными учеными, в разных научных парадигмах.

Именно в связи с этим для научного описания содержания любых ментальных единиц на естественном метаязыке может быть сформулирован *принцип множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных сущностей*.

Этот принцип означает, что любые ментальные единицы, выявленные в процессе лингвистического исследования, например такие: значения (семемы), семы, семантические признаки, семные конкретизаторы, концептуальные признаки, когнитивные классификаторы, концепты как единицы концептосферы сознания, недискретные текстовые смыслы, дискретные текстовые смыслы, рецептивные схемы восприятия, концепты текста могут быть описаны разными формулировками на естественном метаязыке, которые могут не совпадать в разных исследовательских парадигмах, у разных исследователей и у разных составителей словарей» [4, с. 35].

Принцип дополненности семантических описаний

«Принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц приводит нас к осознанию еще одного принципа: в отношении результатов любой семантической интерпретации или описания действует *принцип дополненности семантических описаний* – адекватное описание ментальной единицы предполагает обобщение, интеграцию разных ее описаний (ср. знаменитый принцип дополненности Н. Бора, сформулированный им для научных теорий)» [3, с. 16].

Практика анализа лексикографических дефиниций слов показывает, что применительно к словарным дефинициям разных словарей дополненность семантических описаний проявляется в следующем: 1) возможность отражения в отдельных словарях значений, не отмеченных другими словарями; 2) возможность разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях; 3) возможность разного по глубине и количеству описанных сем описания одного и того же значения в разных словарях.

Из данной практики нами был далее выведен принцип *дополненности словарных дефиниций*.

Принцип дополненности словарных дефиниций

«Применительно к описанию значений в толковых словарях можно говорить о принципе *дополненности словарных дефиниций*: каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга.

Все словарные дефиниции разных словарей дополняют друг друга в описании значения слова как единицы системы языка.

Таким образом, принцип множественности (неединственности) метаязыковых описаний ментальных единиц свидетельствует, что ...различные метаязыковые описания описывают одну и ту же ментальную единицу и в своей совокупности раскрывают основное содержание называемой единицы» [3, с. 16].

Роль дополнительности в экспериментальных семантических исследованиях и различные методы анализа семантики в рамках принципа дополнительности семантического описания на конкретных примерах прокомментированы в монографии 2013 г. [5, с. 72 – 102].

Таким образом, можно говорить о следующих методологических общелингвистических принципах:

– общем *принципе дополнительности семантических описаний* (разные описания семантики языковых единиц дополняют друг друга и могут быть интегрированы в обобщающее описание);

– принципе *неединственности (множественности) метаязыкового описания ментальных единиц* (описание семантики ментальных единиц разных типов может осуществляться с использованием разных метаязыков, и расхождение в метаязыковой форме описания одних и тех же ментальных единиц в разных исследовательских парадигмах и у разных исследователей не является признаком ошибочности какого-либо из описаний, а подлежит анализу и унификации);

– принципе *дополнительности словарных дефиниций* (каждая из несопадающих дефиниций лексической единицы в разных словарях отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание может быть осуществлено интеграцией дефиниций разных словарей).

На основе описанных принципов осуществляется обобщение словарных дефиниций нескольких авторитетных словарей для выявления значения спорного слова в русском языке.

Методика обобщения словарных дефиниций изложена в [6, с. 19 – 21].

Значения слова, полученные методом обобщения словарных дефиниций, фиксируются как перечисление дефиниций с примерами их употребления и нумеруются арабскими цифрами.

Затем слова, используемые в спорном тексте и являющиеся предметом экспертизы, атрибутируются выделенным значениям и устанавливается, какое из значений актуализовано в конкретном спорном тексте или его фрагменте.

При установлении значения слова в современном языке может понадобиться, кроме обобщения словарных дефиниций, анализ употребления слова в современных текстах (например по «Корпусу русского языка»).

Это может быть связано с тем, что атрибуция употребления спорного слова выделенным лексикографическим значениям не дает результата – употребление слов не соответствует ни одному из выделенных словарных значений.

Например обобщение словарных дефиниций слова *чучело* показало, что это слово по данным словарей имеет следующие значения.

1. Точное воспроизведение животного – его фигура, покрытая шкурой, перьями (*чучело медведя, набить чучело*).

2. В саду, в огороде фигура наподобие человеческой для отпугивания птиц (огородное чучело).

3. О неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке (*выглядеть, вырядиться чучелом*).

4. О том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде (*чучело гороховое*).

5. О нескладном человеке с отталкивающей внешностью (*а ты чего уставился, чучело*).

На экспертизу была вынесена фраза «сжечь чучело президента». Данное употребление не атрибутируется ни одному из выделенных обобщенных значений. Таким образом, ни одно из приведенных значений не актуализируется в спорном тексте.

В таком случае возможно, что слово употреблено в значении, уже представленном в практике современного словоупотребления, но по тем или иным причинам не отраженном в исследованных словарях.

В таком случае такое значение может быть выделено из примеров его употребления в современных текстах «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и сформулировано как дополнительное значение.

В случае со словом «чучело» выявилось не зафиксированное ни в одном словаре значение «*кукла, символизирующая кого-либо или что-либо, которую сжигают в знак протеста против кого-л. или чего-либо, в суеверных целях, или выставляют на всеобщее обозрение как свидетельство неприглядности, негативного отношения к кому-л. или чему-л.*».

Данное значение дополняет перечень значений, полученных из словарей, и ему атрибутируется употребление слова в спорном тексте.

Лингвист-эксперт должен обязательно выделить и описать лингвистические или экстралингвистические маркеры, присутствующие в тексте или ситуации, которые позволяют утверждать, что в спорном тексте актуализируется именно это значение.

Кроме того, важно различать обыденное, общеупотребительное и терминологическое значения.

Одной из характерных трудностей лингвокриминалистического анализа является широкое использование в правоприменительной практике и в обыденной речи *многозначных слов*, которые имеют в общеупотребительном языке и в специальном юридическом подязыке *разные значения*. Это приводит к многочисленным недоразумениям, трудностям и неправомерным решениям судей, обидами истцов на отказы в исках, когда одно значение подменяется другим.

Если такие слова как *презумпция, диспозиция, суд, следствие, постановление, осудить, амнистия, оперативник, следственный эксперимент, экспертиза* и под. являются *терминами*, имеют юридические, специальные значения, и в силу этого понимаются специалистами и неспециалистами в основном однозначно, то многие другие слова имеют *терминологические значения*, что означает, что они имеют кроме терминологических и обыденные, нетерминологические, неспециальные значения. К таким словам относятся, в частности, слова *оскорбление, оскорбить, неприличие, неприличный*. Рассмотрим эти слова с точки зрения их употребления в специальных и обыденных значениях.

В этих случаях, кроме словарных дефиниций толковых словарей, следует анализировать специальную литературу – энциклопедии, справочники, терминологические словари, официальные постановления, кодексы и т. д.

В юридическом смысле понятие *неприличная языковая форма* – это наличие высказываний в адрес истца, содержащих именно *непристойную лексику и фразеологию*, каковыми являются *нецензурные слова и выражения*, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий. Грубая же, сниженная, вульгарная лексика «юридически» не входит в понятие «неприличной формы выражения»: «Обязательным признаком объективной стороны преступления (*оскорбления – И. С.*) является способ унижения чести и достоинства другого человека – **неприличная** (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. **Таковы, например, нецензурные выражения** (выд. мною – *И. С.*), циничные прикосновения к телу, плевок в лицо, срывание одежды с интимных частей тела» [7].

Таким образом, юридическое понимание неприличной языковой формы – это негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть *нецензурных* слов и выражений.

Для обыденного сознания неприличными или непристойными в равной мере считаются как сниженные, грубые, так и нецензурные выражения. В обыденном языковом сознании, в нетерминологическом смысле выражения *неприличная, непристойная, ненормативная лексика* выступают для носителей русского языка как синонимы; для обыденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные, грубые, и бранные, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (сниженная, бранная или нецензурная) может посчитать, что она *неприлична (непристойна)* и что он в результате *оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания*. С точки зрения обыденного сознания он прав, но с юридической точки зрения – нет.

Таким образом, выражения *неприличная (непристойная) языковая форма* актуализируют разные значения в обыденной речи и в юридическом подязыке.

Неприличная языковая форма

1. Использование ненормативной лексики (сниженной, вульгарной, бранной, нецензурной).

2. *Спец. юрид.* Публичное использование нецензурной лексики.

Таким образом, понятие неприличной языковой формы в специальном юридическом подязыке уже, чем в обыденной речи.

В спорном тексте может быть актуализовано как обыденное, так и специальное значение. Различие между восприятием обыденного и специального значения может стать предметом спора.

2. Учет контекста

Учет контекста необходим как второй этап семантического описания слова в ходе экспертизы.

После установления многозначности слова необходимо проанализировать контекст и выявить лингвистические маркеры, сигнализирующие об актуализации конкретного значения (то есть доказывающие, что актуализовано в спорном тексте именно это значение).

Игнорирование контекста, в котором употреблено то или иное слово, может привести к серьезным ошибкам в описании значения спорного слова или фрагмента.

Например, в ходе недавней дискуссии в Общественной палате РФ один из членов Палаты высказал мнение, что в экспертизах по проблемам экстремизма неправильно толкуется слово *исламист* – по его словам, оно означает *сторонника или последователя ислама*, а не *террориста*.

Принцип учета многозначности слова в языке показывает, что слово *исламист* в современном русском языке имеет несколько значений.

Исламист

1. Специалист по исламу.
2. Сторонник ислама.
3. Исламский террорист, боевик.

Далее необходимо выявить в разных контекстах употребления слова языковые маркеры, указывающие на актуализацию конкретных значений этого спорного многозначного слова.

Например:

– Он известный исламист, уже 30 лет занимается исламом.

Актуализируется значение «специалист по исламу».

Маркер значения – словосочетание *занимается исламом*, оно дублирует семантику слова *исламист* в данном контексте.

– Он исламист, а не христианин.

Актуализируется значение «сторонник ислама».

Маркер значения – противопоставление в контексте «христианину» как представителю другой конфессии.

– Исламисты перешли в наступление около города Мосул.

Актуализируется значение «исламский террорист, боевик».

Маркер значения – словосочетание «перешли в наступление», то есть участвуют в военных действиях.

Выделенные маркеры показывают, какое конкретное значение многозначного слова *исламист* актуализовано.

3. Учет коммуникативной ситуации

Необходимо учитывать коммуникативную ситуацию употребления спорного слова и высказывания.

Учет коммуникативной ситуации дополняет, а иногда и заменяет анализ контекста – если контекст незначителен, не содержит необходимой для анализа семантики слова или выражения информации.

Контекст может выявить, послужить маркером актуализации конкретного значения многозначного слова.

Экстралингвистическая ситуация может прояснить значение, в котором употреблено слово.

Ср. *Операция прошла блестяще!*

В зависимости от того, кто реально эту фразу произнес – человек в белом халате, банкир, полицейский в форме, военный в форме – будет усматриваться в данной ситуации разное значение слова *операция*:

- 1) хирургическое вмешательство;
- 2) действия по оформлению каких-либо финансовых документов;
- 3) согласованные действия по выслеживанию и задержанию преступника;
- 4) совокупность боевых действий, объединенных одной задачей.

Ситуация употребления спорного слова или выражения может быть известна эксперту из разных источников.

1. Из личного опыта

На заключение эксперта вынесен вопрос: являются ли равнозначными слова *сани* и *санки*, *телега* и *тележка*.

Суть дела: – на территорию Центрального крытого рынка стали завозить товары на телегах и санях, ссылаясь на Устав рынка – что можно зимой на санках, а летом на тележках.

Позиция ответчиков: санки – это маленькие сани («велите в санки лошаку бурую запретить» – Пушкин), тележка – это маленькая телега.

Спорная ситуация относится к Воронежскому крытому рынку, Устав также относится к Воронежскому крытому рынку.

Воронежский крытый рынок – большое помещение с многочисленными торговыми рядами и узкими пешеходными проходами между ними, в помещении рынка отсутствуют дороги или подъездные пути для какого-либо транспорта, там все время находятся люди и нет специальных проездов для транспорта.

В связи с этим очевидно, что в условиях крытого рынка Уставом регулируется доставка к прилавкам небольших грузов, а не проезд пассажиров и перевозка крупных грузов (например на телегах) по территории, что технически невозможно; следовательно, в Уставе усматриваются значения *санки 1* и *тележка 2* – небольшие ручные средства перевозки грузов.

2. Из материалов дела

На экспертизу было представлено высказывание ответчика «Судья – идиот», которое судья посчитал оскорблением в свой адрес.

Анализ семантики слова *идиот* позволил выявить два значения этого слова: 1) большой идиотизмом (мед.); 2) очень глупый человек (разг.).

В спорной ситуации слово *идиот* употреблено в разговорном переносном значении – *очень глупый человек*, оно произнесено в бытовой, а не медицинской ситуации.

Кроме того, анализ ситуации судебного заседания, анализ показаний истца и свидетелей показал, что спорное высказывание было произнесено ответчиком в дверях, когда он покидал зал заседания, и не было адресовано лично судье – ответчик не смотрел на судью, судья был у него за спиной, он произнес это высказывание себе под нос как субъективную оценку умственных способностей судьи.

Как показывает потерпевший и свидетели, данное выражение было произнесено гр. В. В. Пушкарем без визуального и коммуникативного контакта с судьею, когда он находился на пути при выходе из кабинета (показания потерпевшего судьи В. А. Козлова), повернувшись лицом в сторону двери (показания свидетеля Е. Н. Турчиной), находясь в дверном проеме (показания свидетеля Федорищева). Это – не адресованное судье высказывание, выражение ответчиком собственной субъективной оценки действий и поведения судьи, некультурное, но не представляющее собой оскорбления в юридическом смысле слова (высказывание «Судья – идиот» не обращено лично к судье, не характеризует судью как лицо, нарушившее какие-либо моральные нормы или законы, не является нецензурным), и судья не имеет оснований подавать иск об оскорблении.

Спорное словоупотребление, включая бранное слово, нарушает нормы культуры речи в общественном месте, свидетельствует о некультурности ответчика, но не подлежит правовому регулированию.

3. Из фотографий или видеозаписи

Например фотография рубашки с надписью «Все идет по плану» и изображением листа конопли актуализирует наркотическую тематику слогана.

Цвета, в которые окрашено на фотографии строение автозаправочной станции «Юкос», напоминают цвета автозаправки «Юкос» и способствуют обману потребителей.

4. Опора на реальное языковое сознание рядового носителя языка

Опираясь в описании семантики следует на обыденное языковое сознание, так как именно оно воспринимает спорные тексты.

4.1. Учет языкового сознания для установления реального смысла слова в современном сознании

Может понадобиться устранить противоречие между словарным значением слова и его употреблением в спорном тексте: в спорном тексте может быть актуализовано новое значение, еще не зафиксированное в словарях, или могут быть актуализованы компоненты значения, которые составляют редкий, нетрадиционный, неожиданный актуальный смысл.

В таком случае можно провести лингвистическое интервьюирование: *как вы понимаете выражение...?* или предложить респондентам выбор вариантов.

Текст может быть спорным в связи с разным пониманием слов отдельными возрастными, гендерными группами. Старшее поколение везде видит секс, непристойность, аморализм и под. (например в свое время телезрители старшего поколения остро критиковали популярную «Взгляд» за «дикую музыку» в перерывах между дискуссиями, хотя это была молодежная передача).

В этом случае надо анализировать языковое сознание той аудитории, на которую текст рассчитан.

Если реклама рассчитана на молодежь – нужно анализировать, как понимает ее в данном случае именно молодежь, т. е. как воспринимает спорный текст языковое сознание целевой аудитории, а не как это могут воспринять, например возрастные категории носителей.

Может понадобиться установить значение слова, которое является новым для языка и еще не описывается словарями.

В таком случае надо обратиться к «Национальному корпусу русского языка» и провести обобщение примеров с формулированием новых значений.

Может потребоваться установить какие-либо компоненты значения слова, которые не отражены в словарях или неочевидны.

Тогда можно провести ассоциативный эксперимент и интерпретировать его как вербализацию определенных семантических компонентов. Так можно установить оценочность, двуоценочность, выявить новые семантические компоненты и значения, особенно периферийные (см. методики описания психолингвистических значений слова [6]).

Эффективна методика двухэтапного рецептивного (на понимание смысла) психолингвистического эксперимента, представляющего собой разновидность методики лингвистического интервьюирования [8, с. 24 – 25].

На первом этапе проводится пилотажный опрос небольшой группы респондентов (10 – 15 человек), которым предлагается в свободной форме сформулировать свое понимание спорной фразы или текста; затем на втором этапе все варианты понимания, предложенные испытуе-

мыми, н обобщаются, унифицируются в метаязыковой форме в виде конкретных утверждений и предлагаются для верификации основной группе испытуемых (минимум 100 человек).

4.2. Учет языкового сознания: эксперимент для установления реального смысла высказываний

В спорных случаях эффективно использование психолингвистического эксперимента по выявлению скрытого смысла отдельных выражений или целых текстов [4].

Литература

1. Голев Н. Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. Ч. 1 / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 371 – 386.
2. Стернин И. А. Об основных принципах описания семантики слова в лингвистической экспертизе // Коммуникативные исследования 2014. Воронеж: Истоки, 2014. С. 44 – 47.
3. Стернин И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике // Психолингвистика и лингвоконцептология. 2012. Вып. 5. С. 8 – 17.
4. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки, 2011. 67 с.
5. Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013. 272 с.
6. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
7. Словарь по уголовному праву / отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А. В. Наумов. М.: Изд-во БКЭ, 1997.
8. Стернин И. А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 24 – 25.

MAIN PRINCIPLES OF SEMANTIC ANALYSIS IN LINGUOCRIMINALISTIC TEXT EXAMINATION

Iosif A. Sternin^{1, @}

¹ Voronezh State University, 1, University Square, Voronezh, Russia, 394063
@sterninia@mail.ru

Received 01.02.2016.

Accepted 14.12.2016.

Keywords: polysemy, situation, context, text analysis, semantic description, principles of semantic analysis.

Abstract: Now it is possible to speak about a number of basic principles of the description of semantics of language units during expert research of the disputable text which should underlie any expert linguistic research. The major of them, relevant for expert estimation of semantics of a word in disputable text, are the following: 1. The account of polysemy of words and expressions. 2. The account of context of the use of a disputable word or expression. 3. The account of situation of the use of a disputable word or expression. 4. The account of real language consciousness of the ordinary native speaker. The article features the substantiation of each of these principles and presents examples of realization of each of the principles in the practical analysis of the text.

For citation: Sternin I. A. Osnovnye printsipy semanticheskogo analiza v lingvokriminalisticheskoi ekspertize teksta [Main Principles of Semantic Analysis in Linguocriminalistic Text Examination]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 202 – 207. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207.

References

1. Golev N. D. Russkoe obydennoe metaiazykovoe soznanie i iazykovoe stroitel'stvo [Russian everyday metalinguistic consciousness and language engineering]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009, Part 1, 371 – 386.
2. Sternin I. A. Ob osnovnykh printsipakh opisaniia semantiki slova v lingvisticheskoi ekspertize [On the main principles to describe the semantics of words in the linguistic expertise]. *Kommunikativnye issledovaniia 2014* [Communication Studies in 2014]. Voronezh: «Istoki», 2014, 44 – 47.
3. Sternin I. A. Problema needinstvennosti metaiazykovogo opisaniia iazykovykh edinit v lingvistike [The problem of non-uniqueness metalinguistic description language units in linguistics]. *Psikholingvistika i lingvokontseptologiya = Psycholinguistics and lingvokontseptologiya*, no. 5 (2012): 8 – 17.
4. Sternin I. A. *Analiz skrytykh smyslov v tekste* [Analysis of hidden meanings in the text]. Voronezh: «Istoki», 2011, 67.
5. Maklakova E. A., Sternin I. A. *Teoreticheskie problemy semnoi semasiologii* [Theoretical problems Semnyi semasiology]. Voronezh: «Istoki», 2013, 272.
6. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy* [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011, 192.
7. *Slovar' po ugovolnomu pravu* [Dictionary of Criminal Law]. Ed. Naumov A. V. Moscow: Izdatel'stvo BKE, 1997.
8. Sternin I. A. O poniatiiakh metod, metodika, priem [About terms of method, technique, reception]. *Voprosy psikholingvistiki = Questions psycholinguistics*, no. 7 (2008): 24 – 25.